

Л Е В С И М К И Н

МОСТ ЧЕРЕЗ РЕКУ САН

ХОЛОКОСТ:
ПРОПУЩЕННАЯ
СТРАНИЦА

Сила духа. Книги о преодолении себя

Лев Симкин

**Мост через реку Сан. Холокост:
пропущенная страница**

«ЭКСМО»

2024

УДК 94(0)"1939/45"
ББК 63.3(0)622

Симкин Л. С.

Мост через реку Сан. Холокост: пропущенная страница /
Л. С. Симкин — «Эксмо», 2024 — (Сила духа. Книги о
преодолении себя)

ISBN 978-5-04-198355-0

От автора первой биографии героя Собибора Александра Печерского. По реке Сан осенью 1939 года война разделила польский город Перемышль на две части – германскую и советскую. По мостам и вброд из оккупированных Гитлером городов и местечек в СССР побежали евреи. Судьба беглецов была нелегкой, многих прямо с границы отправляли в лагеря и тюрьмы, но в конечном счете большинству из них удалось спастись от неминуемой гибели в огне Холокоста. Со страниц этой книги вы узнаете о дальнейшей судьбе этих людей, включая будущего главу Государства Израиль Менахема Бегина и одного из величайших советских композиторов Мечислава Вайнберга. А также о том, как целых 12 дней яростно защищал свой ДОТ на реке Сан лейтенант погранвойск Иван Кривоногов, и как после трех с половиной лет плена он бежал из концлагеря на острове Узедом на немецком бомбардировщике. И еще о том, как обер-лейтенант вермахта Альберт Баттель на грузовике вывозил из гетто Перемышля евреев, благодаря ему выживших. В книгу включены и другие, основанные на архивных изысканиях автора малоизвестные сюжеты, первые из которых относятся к началу Второй мировой войной (сентябрь 1939 года), а последние – к ее окончанию (август 1945 года). Сохранен издательский макет.

УДК 94(0)"1939/45"
ББК 63.3(0)622

ISBN 978-5-04-198355-0

© Симкин Л. С., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

«С какой целью переходили границу?» (Вместо предисловия)	8
Глава 1	15
Переход	16
Две недели в сентябре	20
Разделенный город	21
Тайно и явно	23
Грабеж на границе	25
Дорога домой	26
Родственники за границей	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лев Симкин

Мост через реку Сан. Холокост: пропущенная страница

© Симкин Л.С., текст, 2024

© Благотворительный фонд «Фонд поддержки христианской культуры, науки и образования», 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

«Линия границы между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства проходит... по течению реки Сан до ее истока». Из дополнительного протокола между Союзом ССР и Германией, подписанного В. Молотовым и Ф. Шуленбургом во исполнение статьи I Германо-Советского договора о дружбе и границе между СССР и Германией. Город Москва, 4 октября 1939 года.

«Через реку мост. Он нейтральный, на одном его конце наш часовой, на другом – немецкий». Из рукописи пограничника, героя Великой Отечественной войны Ивана Кривоногова «Мои воспоминания о побеге из фашистского плена». Город Горький, 1958 год.

«По одну сторону моста стоял немецкий солдат, а по другую – красноармеец. Пропускали свободно и с одной, и с другой стороны». Из протокола допроса Самуила Шулимовича, 1912 года рождения, обвиняемого в незаконном переходе границы по мосту через реку Сан в городе Перемышле. Тюрьма города Львова, 18 июня 1940 года.

Линия границы между обоюдными государственными интересами Германии и СССР в
Перемышле, 1939 год

«С какой целью переходили границу?» (Вместо предисловия)

...5 ноября 1939 года по мосту через реку Сан, разделявшую Перемышль на две части, пришел из Германии в СССР Самуил Шулимович, 27-летний портной из города Сосновца. О его существовании я узнал из материалов уголовного дела, где собраны разнообразные протоколы, обвинительное заключение и в самом конце, вместо приговора, – выписка из протокола ОСО – Особого совещания НКВД, отправившего беглеца на три года в исправительно-трудовой лагерь.

Следователь НКВД, допрашивавший Шулимовича в октябре 1940 года в львовской тюрьме, выяснял, почему тот решил перейти границу.

– 1 сентября 1939 года мы услышали слухи о войне. Мать попыталась запастись едой, но полки магазинов уже были пусты. А потом пришли немцы.

– Как относилась немецкая власть к местному населению?

– Вообще к населению немецкая власть относилась хорошо, за исключением евреев, которых избивали, а также публично расстреливали.

– С какой целью переходили границу?

– Хотел жить в СССР. Знал, что в Советском Союзе рабочий класс до рабочего относится хорошо. Не то что в Польше.

Уточню, тогда то была уже не Польша, а Генерал-губернаторство – административно-территориальное образование гитлеровской Германии с центром в Кракове. На его территории действовало законодательство Германии, ограничившее в правах большинство жителей, поскольку те не имели статуса граждан. У одной категории жителей Генерал-губернаторства прав и вовсе не было – это были евреи. К их числу относился каждый пятый житель родного города Шулимовича – Сосновец, название которого происходит от «соснового бора».

Начиная с 17 сентября 1939 года, когда Красная армия вступила на территорию восточной Польши, из польских городов и местечек ей навстречу потянулись евреи. В основном молодые люди. Предчувствуя грядущую беду, их толкали на восток старики, спасая будущее своего народа. Сколько человек добралось в СССР через пограничные реки Буг и Сан, по мостам и вброд – никому не известно, по оценкам исследователей – до 300 тысяч, более точных данных я не нашел. Поначалу новую советско-германскую границу можно было перейти без проблем, потом отношение к беглецам изменилось, многих прямо с границы отправляли в места не столь отдаленные. С октября 1939 года по май 1941 года на советско-германской границе было задержано больше ста тысяч человек.

К статье Уголовного кодекса, карающей за незаконное пересечение границы, прилагалось «примечание», согласно которому ее действие не распространялось на случаи перехода границы с целью использования предоставляемого Конституцией «права убежища для иностранцев, преследуемых за политическую деятельность или религиозные убеждения». Но на это примечание никто не обращал внимания, ведь евреев в Третьем рейхе преследовали не за то и не за другое. А всего лишь за этническую принадлежность.

Судьба беглецов была нелегкой, но в конечном счете многим из них удалось спастись от неминуемой гибели. В отличие от тех, кто остался. В СССР их ждала вторая жизнь, кого-то – лагерь, кого-то – депортация и ссылка, освобождение по амнистии 1941 года и, наконец, эмиграция в Польшу и далее в Израиль, где ныне живет немало потомков тех беженцев.

Невероятные судьбы. Особенно если учесть, как мало европейских евреев выжило в огне Холокоста. А тут целая группа выживших, среди которых были люди выдающиеся, включая будущего главу Государства Израиль Менахема Бегина. Еще назову Мечислава Вайнберга –

одного из крупнейших советских композиторов XX века. Это имя известно не одним лишь ценителям серьезной музыки. Мои ровесники в большинстве своем хоть и прошли мимо его опер и симфоний, наверняка помнят наизусть песню из «Последнего дюйма». До сих пор по волнам нашей памяти «тяжелым басом гремит фугас, ударил фонтан огня, а Боб Кеннеди пустился в пляс, какое мне дело до всех до вас, а вам до меня». Как и сочиненный им же первый советский рэп, про Винни-Пуха.

Иные историки выдают прием еврейских беженцев из Польши в СССР за акт величайшей гуманности – мол, если Великобритания и США к этому времени приняли примерно по 50 тысяч евреев, то советская сторона приняла в несколько раз больше. Верно, приняла, да так, что чуть не задушила в объятиях. По большому счету судьба беглецов от нацизма была советскому руководству глубоко безразлична. «Еврейских рабочих, интеллигентов, ремесленников, бегущих от фашистского варварства, вы равнодушно предоставили гибели, захлопнув перед ними двери нашей страны, которая на своих огромных просторах может приютить многие тысячи эмигрантов», – это я цитирую опубликованное в эмигрантской прессе в октябре 1939 года предсмертное «Открытое письмо Сталину» Федора Раскольников, видного большевика и крупного дипломата, под угрозой ареста ставшего невозвращенцем.

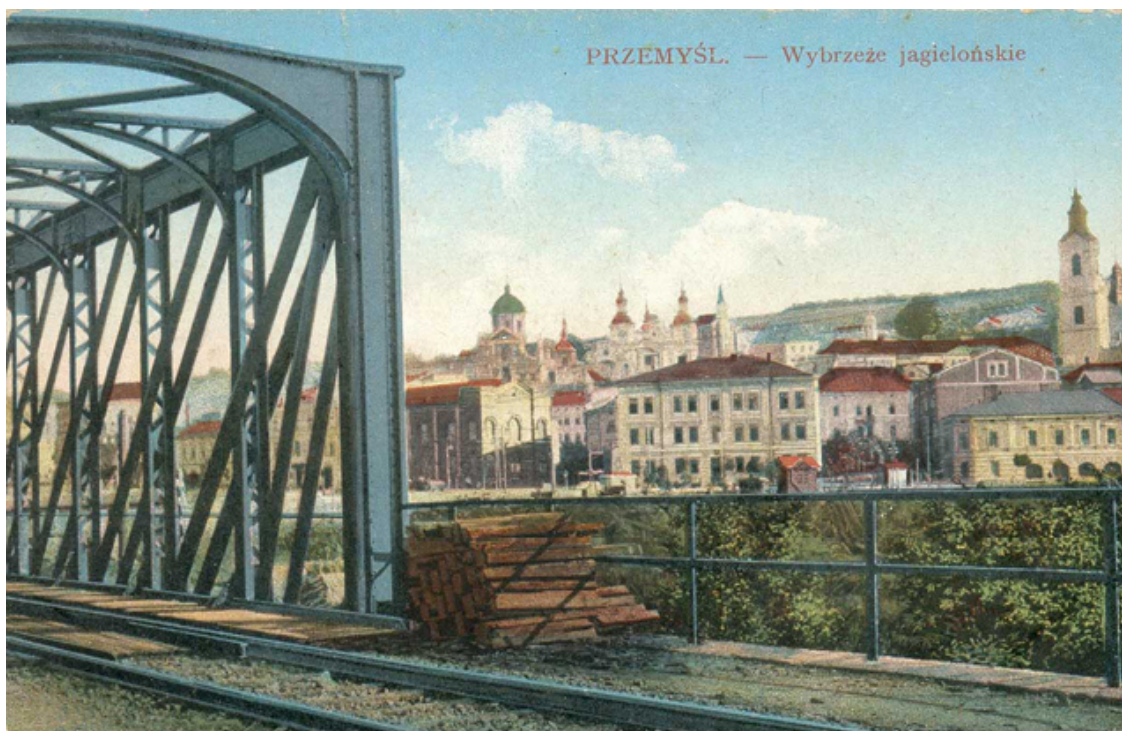
...Похожих уголовных дел – о незаконном пересечении границы – я прочитал их около ста, от корки до корки. Точнее, их копии, собранные в Мемориальном музее Холокоста в Вашингтоне, сами дела пылятся в архивах Украины и Беларуси. С тех пор как на постсоветском пространстве открылись архивы, сотрудник музея историк Вадим Альтцкан путешествует по столицам бывших советских республик и переснимает материалы, связанные с Холокостом. Благодаря ему в тамошней библиотеке можно найти копии нескольких тысяч рассмотренных советскими судами уголовных дел, на оригиналах которых проставлены грифы «Секретно» и «Хранить вечно»¹.

В том же музее есть отдел устной истории, и в нем – запись рассказа другой уроженки города Сосновец, Беллы Якубович. «Немцы захватили Сосновец 4 сентября; через две недели все еврейские мужчины города были интернированы. Моему отцу тогда было 39 лет. Он вернулся через неделю и не рассказывал, что там случилось, но после возвращения его каштановые волосы стали седыми». Все самое страшное было впереди, со временем сосновецких евреев отправили в Аушвиц. Белла попала в Берген-Бельзен, откуда ей посчастливилось выйти живой.

Но я не стал дальше вникать в леденящие душу подробности происшедшего в Сосновце. Меня больше интересовал другой город, тот, что упоминался в показаниях Шулимовича. Из головы никак не шла нарисованная в его показаниях картина – мост через разделявшую город реку, по одну сторону которого стоит гитлеровский солдат, по другую – красноармеец, а между ними люди, бредущие от смерти к жизни.

Название этого города сразу показалось мне смутно знакомым: Перемышль, Перемышль – ну да, была же песня, где он упоминается, народная песня. «Брала русская бригада Галицийские поля, и достались мне в награду два железных костыля. Из села мы трое вышли, трое первых на селе. И остались в Перемышле двое гнить в сырой земле...»

¹ United States Holocaust Memorial Museum. USHMM, RG-15.666.

Железнодорожный мост через реку Сан

Песня времен Первой мировой войны, во время которой на полях Западной Галиции остались лежать больше миллиона русских солдат. Крепость в Перемышле русская армия штурмовала несколько месяцев и в итоге взяла, и на какое-то время польский город стал русским. Такого рода перемены уже случались в его долгой истории. Перемышль упоминается в «Повести временных лет» – летопись рассказывает о его захвате в X веке Владимиром Святославичем, «ходившим на ляхов». После монгольского нашествия город вошел в Польшу, потом, в конце XVIII столетия, в результате ее раздела, на полтора века стал частью империи Габсбургов. И наконец, с 1918 года – вновь в составе Польши, под именем Пшемысль.

Пропитанным кровью землям выпала передышка на два десятилетия. 1 сентября 1939 года на Польшу напали германские войска, а 7-го на Пшемысль обрушились первые бомбы. Из двух мостов, соединявших берега протекавшей через город реки Сан (притока Вислы), остался один – железнодорожный. Другой, автомобильно-пешеходный, – был взорван. Стало быть, Шулимович, как и другие беженцы, переходил реку по железнодорожному мосту. Это самый известный мост через реку Сан, он был спроектирован самим Густавом Эйфелем (его единственная работа в Польше) и построен в 1891 году.

Немцы вошли в город в ночь на 15 сентября 1939 года. А 28 сентября 1939 года ушли, оставив за собой правобережную часть под названием Засанье. Левобережная, основная, была ими передана Советскому Союзу. Как так вышло?

Дело в том, что 17 сентября 1939 года начался «Освободительный поход Красной армии» – под этим именем вошло в советскую историографию вторжение в Польшу, в результате которого половина ее территории должна была отойти к СССР. Между двумя наступающими навстречу друг другу армиями, натурально, случались недоразумения. 19 сентября в пригороде Львова произошла перестрелка между солдатами советского разведывательного батальона и полка немецкой горной дивизии – обе стороны получили приказ своего командования взять Львов. Надо было как-то решать возникшую проблему, и в Москву в тот же день прибыла из Берлина военная делегация для ведения переговоров об установлении демаркационной линии между германской и советской армиями. Договорились, что она будет проходить

по рекам Нарев, Буг, Висла и ее притоку реке Сан. Поскольку последняя разделяла Пшемысль на две части, предполагался отход немецких войск на запад по сравнению с занимаемыми позициями.

27 сентября 1939 года в Москву прибыл министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп. Он попросил у Сталина «сделать уступки в районе нефтеносных районов на юге в верхнем течении реки Сан». Риббентроп ссылаясь на то, что Польша была «полностью разбита немецкими вооруженными силами», намекая на то, что роль Красной армии в ее разгроме была не слишком велика. Но Сталин не согласился, сказав, что эта территория уже обещана украинцам, и его «рука никогда не шевельнется потребовать от украинцев такую жертву». Долгая дискуссия вокруг Пшемысли также не привела к каким-либо результатам, и город остался разделенным на две части. Правда, в качестве компенсации Германии были предложены поставки до 500 тысяч тонн нефти в обмен на стальные трубы. Забегая вперед, скажу, поставки того и другого частично пошли по железнодорожному мосту, тому самому, в Пшемысле (Перемышле).

Когда германская сторона сообщила, что этот вариант решения территориального вопроса получил одобрение Гитлера, был подготовлен Договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Подписан он был поздним вечером следующего дня, когда гитлеровские войска заняли Варшаву. Так Польша разделилась на две части – германскую и советскую, и Пшемысль – тоже. Восточная его часть (Старый город) стала Перемышлем и вошла в состав Украинской ССР, а западная, переименованная в Премзель, стала частью Генерал-губернаторства. На следующий день после заключения Договора о дружбе и границе, 28 сентября 1939 года, немцы покинули правобережную часть города.

Обо всем этом мало кому известно. Только недавно возник интерес к этой пропущенной странице истории, во многом благодаря израильскому историку Зееву Левину, тесть которого – сын одного из тех беженцев, Вольф (Юлиан) Фессель, ныне житель Иерусалима. Его отец Исаак был одним из пяти братьев из польского города Кросно, которые в октябре 1939 года через реку Сан перебрались в СССР. Трое выжили, двое – растворились на просторах огромной страны. Я читал все пять уголовных дел, по одному на каждого из братьев, еще что-то удалось выяснить в результате расспросов Вольфа в декабре 2021 года.

Помимо рассказа о пяти братьях, читателя ждут и другие поразительные истории, так или иначе связанные с Перемышлем и рекой Сан. А между собой они не связаны, так что эту книгу не обязательно читать с самого начала. Эти истории, собственно, и побудили меня к ее написанию, особенно две из них. Нет, на этот раз не о евреях – о русском Иване Кривоногове и немце Альберте Баттеле.

...Сталин, похоже, до самого нападения Гитлера на СССР надеялся на то, что оно не состоится, а если и состоится, то еще не скоро. 13 апреля 1941 года во время проводов на вокзале в Москве министра иностранных дел Японии Мацуоки корреспондент немецкой газеты оказался свидетелем разговора вождя с германским военным атташе. Сталин спросил его: «Вы немец?» Атташе ответил: «Да». И услышал от Сталина немыслимое: «Мы будем дружить».

Спустя чуть больше двух месяцев, 22 июня 1941 года, в три часа ночи по железнодорожному мосту через реку Сан с советской на немецкую сторону отправился товарный состав с топливом и строевым лесом. Обратного должен был прийти поезд с углем, но его почему-то все не было. Дежурный комендант позвонил немцам, ему ответили – прибудет утром. Через полчаса немецкие орудия открыли огонь по правобережной части Перемышля. После артподготовки к мосту бросились две роты для его захвата. Оборонявшие мост пограничники сразу открыли по ним огонь. Им удалось отбить восемь атак, потом к ним на помощь пришли солдаты дивизии войск НКВД по охране железнодорожных объектов. Но перевес был на стороне немцев, и в два часа дня город был оставлен нашими войсками.

На следующий день случилось уникальное для второго дня войны событие – сводный батальон пограничников, красноармейцев 99-й стрелковой дивизии и ополченцев под командованием старшего лейтенанта погранвойск Григория Поливоды отбил город. Немцы были выбиты оттуда и отброшены за Сан. Стало быть, Перемышль стал первым советским городом, отбитым у немцев. Больше того, боевые действия были перенесены на территорию Германии. Удалось захватить, правда, ненадолго, немецкую часть города – Премзель на западном берегу реки Сан.

«Стремительным контрударом наши войска вновь овладели Перемышлем», – говорилось в сообщении Совинформбюро 24 июня, в день, на протяжении которого город трижды переходил из рук в руки. 26 июня Григорий Поливода, назначенный военным комендантом Перемышля, провел церемонию похорон павших советских бойцов на рыночной площади Старого города. 27 июня пришлось отступить – возникла угроза окружения, немцы прорвали нашу оборону и севернее и южнее. Но еще до 30 июня, вплоть до гибели всех, сражался маленький гарнизон младшего лейтенанта Чаплина из своего дота (долговременная огневая точка), оставшиеся от которого капонир и полукапонир до сих пор стоят на берегу Сана.

Из железобетонных дотов состояла знаменитая линия Молотова, которую стали возводить на новой советской границе в 1940 году. В СССР ее, правда, так не называли (только в заграничной прессе). Узлы ее обороны немцы смогли обойти в первые же дни войны. Но были исключения. По свидетельству маршала Георгия Жукова, «в наибольшей боевой готовности в июне 1941 года находились Рава-Русский и Перемышльский районы, которые в первые дни войны сыграли весьма положительную роль».

До 3 июля продержался состоявший из 15 человек гарнизон дота близ расположенного недалеко от Перемышля города Санок. Через этот город, своим названием обязанный все той же реке Сан, проезжал на фронт бравый солдат Швейк, в наши дни ему поставили памятник. Там, а не в Перемышле, который куда чаще упоминается в романе Ярослава Гашека. Но если кто из реальных исторических персонажей, связанных с городом, и достоин монумента, то это лейтенант погранвойск Иван Кривоногов (1916–1988), назначенный туда за несколько дней до начала войны. Целых 12 дней его солдаты отбивали атаки немцев, не выходя из дота. 3 июля 1941 года гитлеровцы блокировали его и подорвали, Кривоногова контузило, и все же ему и еще троим бойцам удалось покинуть дот живыми. 4 июля 1941 года он попал в плен, где провел всю войну, почти четыре года. Не раз бежал, неудачно, при подготовке одного из побегов убил лагерного провокатора, за что был переведен из лагеря военнопленных в концлагерь, потом в другой, на остров Узедом в Балтийском море. И вновь, во главе группы единомышленников, стал готовить побег – на этот раз на лодке. И отказался от этой затеи лишь после встречи с Михаилом Девятаевым, пленным летчиком-истребителем, сбитым в бою под Львовом, поблизости от тех мест, где охранял границу Кривоногов. Тот убедил подпольщиков, что успех может гарантировать только захват самолета. Ключевая роль в организации побега принадлежала Кривоногову. Утром 8 февраля 1945 года он убил конвоира, они с Девятаевым сумели подобраться к «Хейнкелю-111» и завести его. Кривоногов помогал ему, обессиленному (он весил 36 кг), тянуть штурвал. Как отец сыну в упоминавшемся уже фильме «Последний дюйм». На перехват был поднят истребитель, но Девятаев оторвался от преследования и, перелетев линию фронта, сумел посадить самолет в распоряжении 61-й армии. На страницах книги читатель найдет описание и этой истории в сопровождении фотографий и извлечений из переписки с Михаилом Девятаевым, переданных Иваном Кривоноговым в Нижегородский областной архив².

...Июль 1942 года. Воскресенье, 26-е, солнечный день, блестит река, текущая посреди Перемышля. К мосту, ведущему в гетто, подъезжает грузовик с эсэсовцами. Путь им преграж-

² Центральный архив Нижегородской области, Фонд 6174; Опись 1.

дают солдаты комендатуры. Если машина двинется дальше, сержант угрожает открыть огонь – никто не может ступить на мост без разрешения коменданта. Таков приказ, инициированный обер-лейтенантом Альбертом Баттелем (1891–1952), еще одним героем этой книги.

Представляю себе эту картину – с одной стороны моста солдаты Ваффен-СС, с другой – нацеленный на них пулеметный расчет вермахта. Все это происходит среди бела дня. По обе стороны реки стоят несколько сот горожан и наблюдают за происходящим, кое-что видно с территории гетто. Все понимают, что происходит. Всем известно, что эсэсовцы готовятся к «Акции» – так называемому «переселению» гетто. Куда, не говорят, но слухами земля полнится, согнанные туда люди знают – их повезут в вагонах для перевозки скота в лагерь смерти Белжец, где им предстоит быть убитыми газом немедленно по прибытии. Неужели немецкие солдаты готовы стрелять, чтобы защитить евреев от гибели? Спустя какое-то время у ворот гетто появляется сам Баттель в сопровождении двух закрытых армейских грузовиков. И открыто угрожает вызвать взвод солдат вермахта и прорваться силой. Только после этого ворота открывают, и он вывозит из гетто больше ста человек, работавших на железной дороге, и их семьи и размещает их прямо во дворе комендатуры. У читателя будет возможность увидеть места, где происходили эти события, на фотографиях военных лет, полученных автором из Национального музея Пшемысльской земли благодаря помощи польского историка Хуберта Куберского³.

«Списка Баттеля», в отличие от знаменитого «Списка Шиндлера», нигде нет – тем более есть смысл рассказать о том, что известно.

На этом прервусь, полагая, что из краткого предуведомления достаточно ясны мотивы, пробудившие мой интерес к мосту через реку Сан. Наверное, есть смысл сказать еще и о том, что в 1944 году Перемышль был окончательно освобожден советскими войсками, а в 1945 году передан Польше – весь город, по обе стороны реки Сан, и Перемышль снова стал Пшемыслем. Мост через реку Сан дожил до наших дней. Правда, в ближайшее время его переделают в пешеходный, уже объявлен тендер, а новый железнодорожный мост возведут рядом со старым.

«Как только закончится пандемия, сразу – туда, – писал я в опубликованном журналом «Знамя» отрывке из будущей книги, – успеть своими глазами взглянуть на него, хоть немного еще постоять на краю. На краю моста через реку Сан, где шло движение от смерти к жизни. Те, кто остался на другом берегу, почти все погибли. Те, что перебрались на этот, в большинстве своем выжили, у них родились дети и внуки. Иногда мне кажется, что они с разных сторон моста обращаются друг к другу, пытаясь перекричать грохот орудий и звук пулеметных очередей июня 41-го, гул товарняков и рев грузовиков июля 42-го».

Не вышло. Как говорится, человек полагает... Конец пандемии совпал в наших широтах с началом других, куда более трагических событий.

³ Muzeum Narodowe Ziemi Przemyskiej, MPF-2128, 439–457.

Предвоенный Перемышль

«Беженцы! Сколько их ныне! Пыльные их вереницы прут по дорогам Волыни, Кракова и Катовицы. <...> В сиплом дыхании жалком душной толпы в Перемышле, спящей вповалку по лавкам в том же, в чем из дому вышли».

Весной 2022 года название упомянутого поэтом города заполонило новостную ленту. Вновь беженцы устремились в Пшемысль-Перемышль, вот только на этот раз не с Запада на Восток, а с Востока на Запад (маршрут тех, кто шел с Запада на Восток, пролегал южнее).

И лавки, упомянутые в процитированных мною стихотворных строках, – это не художественный образ, а реальные скамейки, поставленные в главном торговом центре этого города, где расположился Центр приема беженцев.

История повторяется... Зря я в глубине души надеялся на то, что история чему-нибудь да учит. Нет, не учит. Или учит плохому. Она, как и право, оказалась одной из дисциплин факультета ненужных вещей. Собственно, и увлекся-то историей я, юрист с многолетним стажем, после того, как испытал некоторое разочарование в праве. В момент, когда законы начали лавировать от него куда-то в сторону. И вот все эти годы собирал, в час по чайной ложке, в архивах и книгах, факты и фактики, пытаюсь понять, что же за ними стояло. Иногда мне казалось, в том не было никакой необходимости. Мало кому интересно, как там было на самом деле – как научили, так и было, как ближе и понятнее, так и было, в точном соответствии с твоими представлениями о мире.

Правда, заинтересовала меня история не сама по себе, а как объяснение ныне происходящего, тех или иных поступков современников в меняющихся обстоятельствах времени и места. Ведь история не имеет конца, она творится сегодня, на наших глазах, повторяясь иногда, и отнюдь не в виде фарса. И никто не может рассчитывать на то, что удастся избежать с ней соприкосновения.

Глава 1

Братья из Кросно

Осенью 1939 года советскую границу перешли братья Фессели. Элимелех-Макс, Мозес, Иzaak, Самуэль и Шая (так их имена значатся в следственных документах) – родом из польского города Кросно. В Средние века это был третий город в Королевстве Польском, процветавший за счет торговли, которой в основном занимались евреи. Братья Фессели следовали многовековой традиции. На них и таких, как они, традиция оборвалась. С началом немецкой оккупации, длившейся ровно пять лет, с сентября 1939 года до сентября 1944 года. К ее концу евреев в городе не осталось. Тех, кто, как братья Фессели, не успел убежать, отправили умирать в лагерь смерти Белжец.

Переход

Фессель Иzaak Сендерович, 1902 года рождения, как записано в обвинительном заключении, «незаконно перешел границу с целью якобы уйти от преследования германских властей». Он был самым старшим из братьев. В отличие от них, неженатых, он, 37-летний, оставил в Кросно жену и двоих детей, рассчитывая позже за ними вернуться. А сам не вернулся из лагеря...

6 ноября 1939 года задержан погранотрядом в селе Ольховцы. Сотрудник опергруппы Лисковского погранотряда НКВД Ващенко вынес постановление об избрании меры пресечения – содержания под стражей. В тот же день составлена анкета арестованного. В ней помимо паспортных данных наличествуют сведения о социальном происхождении (из торговцев), партийности (беспартийный), службе в белой и Красной армиях (не служил), участии в бандах и восстаниях против советской власти (не участвовал).

– Расскажите коротко автобиографию.

– Родился в 1902 году, в 1913-м – окончил семилетку, являюсь мелким торговцем. До 1920 года вместе с отцом занимался торговлей, с 1920 по 1924 год работал в качестве продавца, в 1925 году женился на дочке торговца, у которого работал, и организовал свой галантерейный магазин. Доход был очень маленький, 200–250 злотых в месяц. Пришли немцы, все имущество забрали.

«На переходе границы папу задержали, – рассказывал мне его сын Вольф Фессель. – Он был очень прилично и красиво одет, с собой у него были ценные вещи, но в протоколе обыска ничего такого не значится». Это верно, ни в протоколе обыска, ни в справке от 11 ноября 1939 года. Сказано лишь: «Личные вещи – безопасная бритва, сдана на хранение в Львовской тюрьме». По-видимому, то был «Жиллетт», первым начавший выпуск безопасных бритв и умудрившийся в годы Первой мировой войны заключить контракты на поставки безопасных бритв союзным армиям. В СССР лезвий для безопасных бритв изготовлялось мало, да и те, как говорили, больше царапали кожу, чем брили.

Следствие затянулось. 9 февраля 1940 года дело передали из Львова в Кировоград, там Исаака еще раз допросили, уточняя обстоятельства перехода («границу переходили 100 человек, примерно 40 из них арестовали, в том числе меня»), и предъявили обвинение. 15 марта 1940 года утверждено обвинительное заключение, 20 июня – составлен протокол ОСО (Особого совещания НКВД), 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Последний документ в деле – заключение Львовского областного управления КГБ СССР от 8 августа 1989 года: Фессель Иzaak Сендерович подпадает под Указ о реабилитации, но установить его местонахождение не представилось возможным. Со слов сына, он в местах заключения заболел дизентерией, там и скончался.

Фессель Элимелех-Макс, 1915 года рождения, нелегально перешел границу Германии 25 октября 1939 года. «Социальное положение – купец, по профессии торговец, – объяснял он сержанту госбезопасности Бардину, предъявлявшему ему обвинение, – имел свой магазин с оборотом 8000 злотых».

– С какой целью перешли границу?

– Немцы ограбили. После разгрома немцами магазина я хотел уехать в СССР, хочу там работать. Пересек границу вместе с братом. Виновным себя признаю в том, что нелегально нарушил государственную границу.

– От какой организации вы были посланы в СССР? Какое задание получили от немцев?

– Немцы только предложили нам, как евреям, уйти в СССР.

Макса допрашивали несколько раз и каждый – интересовались, какое задание он получил от немцев при переходе границы. Прочитую немного из протокола очередного допроса, проведенного через полгода после задержания в днепропетровской тюрьме.

– Перейти границу никто заданий мне не давал.

– А вы работали у немцев?

– Да, работал, 6 дней.

– Какая основная причина заставила вас перейти границу?

– Издевательство немцев над евреями. Они издевались, как хотели, заставляли непосильно работать, за работу не платили. Когда в город зашли немцы, они захватили 230 евреев и расстреляли. Поэтому мы решили бежать, и бежали до Ольховцы через реку Сан, и потом попали на Советскую территорию. Нас сбежало много.

– С вами были поляки?

– Да, но больше всего было евреев. Я встретил людей, которые тоже собирались перейти границу, и присоединился к группе. Нас было человек 130, мы перешли через реку Сан приблизительно в 6 вечера 25 октября. Нас задержала пограничная охрана и отвела в помещение, где дали обсушиться и поесть и место, где спать. Отобрали документы. Мы были на заставе до 28 октября, после чего нас отправили во Львов, где взяли под стражу.

Почти год спустя, 10 августа 1940 года, следствие завершилось, после чего ОСО назначило подсудимому за нелегальный переход границы 5 лет ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей). Еще год спустя он был освобожден по амнистии и, согласно документам, 15 сентября 1941 года направлен к избранному месту жительства в город Бузулук Чкаловской области, где его следы окончательно потерялись. Видимо, подвело здоровье. «Медосвидетельствованием установлено, что Э. Фессель страдает резким понижением питания, к физическому труду ограниченно годен» (справка, выданная в тюрьме НКВД № 1 по Днепропетровской области 18 февраля 1940 года).

Элимелех-Макс переходил границу вместе с братом Самуэлем, и задержаны они были вместе, но следствие шло отдельно. Фессель Самуэль, 1904 года рождения, образование 4 класса, имел в собственности магазин по продаже тканей – говорил он о себе 26 октября на допросе в лисковском погранотряде. 15 июня на втором допросе там же он уточнил, что собственного магазина никогда не имел, а работал в галантерейной лавке отца. За это обстоятельство, будто оно имело какое-то значение в деле о переходе границы, зацепился допрашивающий. «В вашей анкете в погранотряде вы расписались, что у вас был собственный магазин, а теперь вы говорите, что это был магазин вашего отца. Вы умышленно пытаетесь скрыть от следствия свое социальное положение. Вы так только усугубляете свою вину, встав на путь неправдоподобных показаний». О том же шла речь на вечернем (начался в 20:20, окончен в 23:00) допросе, проводившемся следователем по фамилии Зимовец 15 июня 1939 года в городе Полтаве, куда Фесселя перевезли из Львова.

– Вы даете неправдоподобные показания. От кого и какие поручения вы получали?

– Никаких заданий ни от кого я не получал. Нам в магистрате сказали, чтобы все евреи уходили на территорию СССР.

– Для какой цели вам было сделано предложение? С какой целью вы переходили границу?

– На территории, занятой Германией, евреи подвергаются избиениям и всевозможным экзекуциям. Магазин забрали, торговать не давали, а посылали работать на восстановление мостов, разрушенных во время войны.

– Вы имели знакомых в польской полиции и жандармерии? Вы с гестапо связь имели?

– Не имел.

«Обвиняемый свою вину признал полностью, свою принадлежность к разведорганам сопредельных государств отрицает». 26 декабря 1939 года начальник УНКВД по Львовской области капитан госбезопасности Краснов утвердил обвинительное заключение, после чего

семь месяцев дело ждало своего разрешения. Протокол ОСО от 10 августа 1940 года – 3 года ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей).

Никому из братьев не удалось избежать заключения. Самуэль, Макс и Исаак (по материалам дела – Изаак) были задержаны сразу после перехода границы, а Мозес и Шая – спустя год.

Приведенные отрывки из следственных документов, безусловно, требуют комментариев, и они непременно последуют, но прежде следует рассказать о том, что происходило в Перемышле в тот короткий период, когда он весь был под немцами.

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

УССР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНЕШНИХ ДЕЛ

Управление НКВД по Львовской области

ДЕЛО № 32264

По обвинению *фрессе*
Шей Шендерович

Начато <i>28.11.1940</i> г.	В <i>1</i> томах
Окончено <i>"</i> 19 <i>"</i> г.	Том <i>1</i>

После судебного рассмотрения и исполнения приговора в силу, настоящее дело подлежит немедленному возвращению в 1-й Специальный отдел УНКВД (гор. Львов). К делу прилагаются копии приговора.

Основание: приказ НКВД, Прокуратуры и НКЮ Союза ССР № 2306 от 5 августа 1938 года.

Передана на рассмотрение в производство следственных дел, а также в целях от ареста дел и других отделов или органов НКВД, куда бы и временно производятся исключительные через 1-й Специальный отдел УНКВД.

Передана следственного дела оформляется постановлением, утвержденным начальником УНКВД, или его заместителем.

Арх. № **873434**

Сдано в архив *"* 19 *"* г.

П-9262

10/34ср

Две недели в сентябре

Война достигла польского Пшемысля 7 сентября 1939 года. На город обрушились первые бомбы, от одной из которых сгорел торговый пассаж. 15 сентября вошли германские войска и начали вводить новый порядок. Нововведения прежде всего коснулись евреев. В городе их насчитывалось около двадцати тысяч, примерно треть населения – врачи и юристы, торговцы и ремесленники и даже члены муниципального совета, один из которых дослужился до кресла заместителя мэра. Всех евреев обязали носить белую повязку со Звездой Давида на правом рукаве и мобилизовали на принудительные общественные работы – уборку мусора и ремонт дорог.

16 сентября 1939 года около двухсот человек были арестованы. Из них отобрали стариков-хасидов, запихнули в кузов грузовика и «для смеху» возили по городу. Остальных погнали по улицам. «Они были полуголыми и кричали на бегу: «Евреи – свиньи». Вдоль шеренги с оружием в руках бежали немецкие солдаты и юноши лет восемнадцати, одетые в темное. Когда кто-то отставал или сбавлял темп, они били жертву прикладами винтовок или кнутом». Это я процитировал свидетельство Бронислава Шатына (1911–1987), польского юриста еврейского происхождения, выжившего благодаря добытым фальшивым документам. В мемуарной книге «Частная война» он рассказывает, как «увидел людей, бегущих по середине улицы, их руки были заложены за шею. <...> Я вернулся домой потрясенный. Только после полудня, когда немного успокоился, я снова вышел... Обезумевшие, плачущие женщины бежали к кладбищу, потому что слышали, что всех евреев, захваченных утром, расстреляли в Пикулице, первой деревне за городом. Я погрузил этих плачущих женщин в свою машину и поехал в Пикулице. Прямо на окраине села, у небольшого холма, собралась толпа. То, что я увидел за нею, превзошло все ожидания; это была сцена из «Ада» Данте. Все мужчины, которых гнали по улицам утром, лежали мертвые».

Как выяснили историки, в злодеянии участвовали эсэсовцы из айнзацгруппы под командованием бригадефюрера СС Бруно Штреккенбаха, солдаты 1-й горнострелковой дивизии, а также члены гитлерюгенд. Последние – видимо, те самые «юноши лет восемнадцати, одетые в темное», увиденные Шатыном, – выезжали на оккупированные Германией территории с целью «германизации и обучения культурным традициям этнических немцев, проживавших за пределами родины», но при удобном случае занимались и другими важными делами.

Разделенный город

Спустя две недели, 28 сентября 1939 года, исполняя советско-германский Договор о дружбе и границе, немцы отошли на левый берег реки Сан, в район Засанье. По пути солдаты подожгли в Старом городе две синагоги. Они бросали древние книги в огонь и отгоняли, смеясь, тех, кто пытался их спасти. Утром 29 сентября в Перемышль вступила советская 99-я стрелковая дивизия и начала его прием у германского командования.

В Премзеле (Засанье) после разделения города евреев осталось немного, в основном старики, женщины и дети. Им объявили, что в течение 24 часов они должны покинуть немецкую часть города, а те, кто останется, будут расстреляны. Поскольку автомобильно-пешеходный мост через реку Сан был разбомблен еще до прихода немцев, попасть в восточную часть города можно было только по другому мосту – железнодорожному, тому самому. По нему евреи из Засанья и поплелись на правый берег со своими тюками и чемоданами.

По мосту

В тот же день, совпавший с началом праздника Суккот, в соседнем Дынуве немецкие власти приказали евреям под угрозой смертной казни собраться на рыночной площади. Когда те собрались (около полутора тысяч человек), площадь окружили эсэсовцы, выстроили их в колонну и под звуки оркестра повели на берег реки Сан, где, стреляя в воздух, заставили плыть на другую сторону, в СССР. Река была глубокой, течение – быстрым, и несколько пожилых женщин утонули. Оставшиеся, промокшие и продрогшие, были окружены советскими пограничниками и еще целую неделю под открытым небом ждали решения своей судьбы.

Как мы видим, немцы несколько не препятствовали оттоку представителей «неполноценной расы» на восток, напротив, всячески поощряли. С их стороны это была целенаправленная политика – изгнать евреев из всей оккупированной территории. Начальник Главного управления имперской безопасности Рейнхард Гейдрих предлагал депортировать всех польских евреев в районы, находящиеся под контролем Красной армии, и это предложение начало понемногу воплощаться в жизнь. Генерал-квартирмейстер сухопутных войск Эдуард Вагнер издал соответствующую директиву, сделав это, так сказать, в явочном порядке, без согласия и

даже уведомления советской стороны. Как докладывал в германский МИД 5 декабря 1939 года начальник штаба вермахта генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, «выдворение евреев на русскую территорию проходило не так гладко, как... ожидалось». Далее в его рапорте рассказано, как «в тихом месте, в лесу тысяча евреев была выдворена за русскую границу, в 15 километрах от этого места они снова вернулись к границе с русским офицером, который хотел заставить немецкого офицера принять их обратно». Заставил ли в тот раз, мне не известно, но за весь период до начала Великой Отечественной войны, по различным данным, советские власти «вернули» гитлеровцам от 14 до 25 тысяч «евреев-перебежчиков».

Автомобильно-пешеходный мост через реку Сан

После оккупации Польши из 3,3 миллиона живших там евреев почти две трети – 2,1 миллиона – оказались на территории, захваченной немцами. Остальные жили в областях, перешедших к СССР. К числу этих остальных следует прибавить еврейских беженцев из западных частей страны, ринувшихся в восточные воеводства Польши с начала сентября 1939 года. После официального «воссоединения» Западной Украины и Западной Белоруссии с советскими республиками все они оказались в СССР. Что делать с оставшимися двумя миллионами евреев на захваченной ими территории Польши, нацисты решили далеко не сразу. Тогда они еще не знали, каким именно будет «окончательное решение еврейского вопроса». В руководстве рейха обсуждался план «Мадагаскар», согласно которому на этот остров с не самыми благоприятными климатическими условиями планировалось переселить европейских евреев, чтобы они там под полицейским надзором занимались сельским хозяйством. По данным Всесоюзной переписи 1939 года, в Советском Союзе насчитывалось три миллиона евреев, после аннексии их число перевалило за пять. Таким образом, СССР стал страной с самым большим в мире еврейским населением.

«Когда б я родился в Германии в том же году, когда я родился, в любой европейской стране: во Франции, в Австрии, в Польше, – давно бы в аду я газовом сгинул, сторел бы, как щепка в огне. Но мне повезло – я родился в России, такой, сякой, возмутительной, сладко не жившей ни дня, бесстыдной, бесправной, замученной, полунагой, крошечной – и выжить был все-таки шанс у меня» (Александр Кушнер).

Тайно и явно

Как переходили советскую границу беженцы из оккупированной немцами Польши? Некоторые – тайно, как 24-летний Натан Биер, мясник из города Ярослав, который после прихода немцев бесплатно очищал развалины после бомбежки, а 16 февраля 1940 года «около моста в районе города Перемышль перешел реку Сан по льду с братом Якубом, маскируясь простынями» (здесь и далее заковычены цитаты из архивных уголовных дел. – Л. С.). Но в большинстве своем – переходили открыто, ни от кого не прячась, как 38-летний Рафаэль-Гирш Рознер. Его и других мужчин-евреев города Мельцы, семьдесят человек, немцы «водили на расстрел» на окраину к бане, но в последний момент отпустили. Ему повезло, а кому-то нет, он слышал несколько выстрелов. Вместе с тремя братьями 23 октября 1939 года дошел до реки Сан, где, по его словам, «собралась большая группа беженцев. Немецкие солдаты предлагали переходить вброд, но мы наняли лодку и доплыли до середины реки, потом пошли. На другой стороне ждали советские пограничники, все видели друг друга».

Пинкуса Баранкевича, 42-летнего портного из Лодзи, задержали 2 февраля 1940 года германские пограничники, заставили до вечера работать, потом солдат по указанию офицера показал ему дорогу на советскую сторону. «При задержании немецкой погранохраной офицер вызывал нас по 2–3 человека в комнату, производил тщательный осмотр всех вещей, записывал фамилии и отпускал», – это уже Абрам Кинберг из Краковского воеводства.

Иногда беглецам выдавали пропуска для прохода в погранзону. «Пропуск я брал у германской охраны, – давал показания Герман Диамант, перешедший границу 14 октября 1939 года. – Офицер даже не спросил, зачем я иду, и выдал пропуск, за который я заплатил 13 злотых. Немцы собрали нас, евреев, и всех сразу привели на мост и направили в сторону СССР. Пропуска взяли на мосту. На переходе мы были задержаны советскими пограничниками». Адольф Шляин, продавец из местечка Бяла, по его словам, «достал пропуск для въезда в демаркационную линию и с ним приехал в Ярослав, где собралось много евреев». Немецкий офицер выгнал их всех к границе. Перейти ее ему удалось 21 октября 1939 года в районе села Синява, «помог крестьянин за 10 злотых». У Шляина осталось еще 40, но их отобрал немецкий солдат-пограничник.

Вид из немецкой части Перемышля на советскую

По свидетельству Адама Бронера из Лодзи (в ноябре 1939 года он ехал в сторону границы на поезде), на последней остановке перед границей им приказали выйти из поезда и показали, по какой дороге идти к границе. «Последний немецкий солдат, которого я встретил на советско-германской границе 1939 года перед входом в так называемую нейтральную зону, был очень вежлив и даже добр. Он не просил наши рюкзаки, он не бил нас. Он лишь задал иронический вопрос: «Так вы собираетесь в советский рай?» – и предложил мне сигарету».

На левом берегу евреев почти не осталось, но позже их число выросло за счет приезжих настолько, что весной 1940 года в Премзеле был создан юденрат – вероятно, единственный в оккупированной Польше, возглавляемый женщиной, Анной Файнгольд. Всех разместили в двух зданиях, где им предстояло жить еще два года – в июне 1942 года все они будут убиты.

Грабеж на границе

В показаниях беженцев немало рассказов о том, как их перед переходом границы грабили солдаты вермахта. «Когда мы подошли к границе, – рассказывал скрипач Иzaak Конарек, – к нашей группе подошел немецкий солдат, стал кричать и щелкать затвором. Тогда я вытянул из кармана серебряные часы и отдал ему, после чего он разрешил нам идти к реке Сан».

«В ноябре 1939 года неизвестный предложил переправить на лодке через реку Сан по 50 злотых с человека и привел к реке, – рассказывал Якуб Шерман, инструктор физкультуры из Закопане. – Там нас ждал немецкий патруль. Пограничники отобрали часы и другие вещи и отпустили, потом крестьянин переправил нас на лодке в Перемышль».

«При переходе границы 20 декабря 1939 года меня и Левковича задержали два германских солдата, забрали у меня плащ, а у Левковича костюм и ботинки», – это уже портной Майлых Зильберштейн. Их «немного побили», потом отпустили, и они пошли на советскую сторону.

«У меня забрали лошадь и повозку», – жаловался допрашивавшему его пограничнику Рахмил Штайнвайс, «извозчик из Гданьска (ныне Германия)». Как записано в протоколе, он «оставил на произвол судьбы семью» и 2 ноября 1939 года вместе с другими 19 беженцами перешел границу через реку Сан. По его словам, «пограничная охрана немцев видела, как мы переходили реку, и с ружьями наперевес угрожала нам, заявляя, что, если мы повернем назад, они откроют стрельбу».

«Неизвестный гражданин дал согласие проводить нас через границу на советскую территорию, за что мы ему уплатили 60 злотых, – рассказывала Розалия Кимберг, портниха из Тарнова. – Он подвел нас к границе, где немецкие солдаты сделали обыск и отобрали все деньги, после чего под угрозой оружия загнали в реку Сан и предупредили – если кто выйдет с воды, будет застрелен. Перейдя на противоположную сторону, мы увидели домик, зашли и спросили у женщины, что это за место. Она ответила, что это советская территория. Мы попросили, чтобы нас отвели в советскую комендатуру. Там нас обыскали, после чего отправили в Львовскую тюрьму».

Такого рода случаев, когда гитлеровцы гнали евреев в СССР, было довольно много. Прочитав текст еще одного из прочитанных мною обвинительных заключений: «Произведенным следствием установлено, что Шенхерц Исаак, 1902 года рождения, перебросен немецкими солдатами через границу СССР». Прямо-таки перебросен, в буквальном смысле! В других случаях «переброска» употреблялась в документах пограничников в переносном смысле.

«В составе группы лиц Синай Юзеф, 1890 года рождения, был нелегально перебросен немецким офицером на территорию Западной Украины». Коммивояжер из города Тарнова (торговал мылом, обувным кремом, шнурками для ботинок), вдовец, без детей, был задержан 4 октября 1939 года сотрудиниками 92-го погранотряда. «Так как я по национальности еврей, – объяснял он на допросе старшему лейтенанту погранвойск Ануфриеву, – меня германцы выгнали. В городе Санок я купил за один злотый пропуск к границе, германцы отобрали его у моста через реку Сан... и по мосту послали на советскую сторону. Меня насильно выгнали, поэтому я думал, что перехожу легально». Так, во всяком случае, записано в протоколе допроса от 15 октября 1939 года. Сам Юзеф вряд ли хорошо понимал русский язык, его подпись на протоколе выполнена латинскими буквами.

Дорога домой

Что же дальше происходило с польскими евреями, бежавшими из оккупированной Гитлером Польши в ту ее часть, куда вступили части Красной армии? По данным Зеева Левина, с сентября 1939 года по май 1941 года на границе западных аннексированных территорий были задержаны 107 тысяч человек, в своем большинстве евреев, из которых 43 тысячам было предъявлено обвинение по статье Уголовного кодекса (УССР или БССР), называвшейся «Незаконное пересечение границы». «Въезд в Союз ССР без установленного паспорта или разрешения надлежащих властей, – говорилось в ней, – карается заключением в лагерь на срок от одного года до трех лет». Это если дело попадало в суд. А если становилось предметом рассмотрения ОСО – Особого совещания при НКВД СССР, последнее имело право применять к лицам, признаваемым общественно опасными, заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок до 5 лет.

Задерживали за незаконный переход границы не всех подряд. Кто-то сумел пройти границу незамеченным, кого-то пограничники разворачивали обратно, кого-то отпускали, даже советовали, куда им лучше поехать. Первые беженцы проскочили свободно, поначалу и границы-то толком не было. Пограничники начали задерживать нарушителей более-менее в массовом порядке лишь с середины октября 1939 года. Читаю материалы уголовных дел на беженцев и никак не возьму в толк, почему одних – задерживали, а других – нет, а кого-то из задержанных на границе потом отпускали. Вероятно, кое-что зависело от «пропускных» возможностей погранотрядов. Или же был какой-то лимит на задержания, ведь мест в тюрьмах не хватало и многих отправляли для следственных действий из Львова в Полтаву и Днепропетровск? Или не было в том никакой логики?

Судя по изученным мною делам, беглецы шли группами, до ста человек в каждой. Это ж сколько бумаг надо было каждый раз заполнять! В уголовных делах хранятся протоколы задержания и допросов задержанных, составленные пограничниками 92-го погранряда НКВД, штаб которого находился в Перемышле. Взять хотя бы подписанный Коваленко из штаба этого погранотряда ордер на арест Рехтера Герша, 1911 года рождения, кустика из Радома, перешедшего 28 октября 1939 года «из Германии на советскую сторону, потому что немцы не дают евреям жить».

А уже упоминавшийся Юзеф Синай из города Тарнова был задержан бойцами погранотряда вблизи городка Леско, основанного в XVI веке (до войны больше половины населения – евреи). Вброд обычно переходили там. До июня 1940 года Юзеф пребывал сначала в львовской, потом в днепропетровской тюрьме, а 25 июля того же года получил от Особого совещания НКВД свои три года. Обычный маршрут, обычный срок. Немного необычен возраст Юзефа – 49 лет, ведь большинство беглецов, судя по просмотренным мною делам, были куда младше.

19-летний Герман Фельд, рабочий, 24 февраля 1940 года переходил границу, чтобы найти работу «на советской стороне», на германской – евреев заставляли работать бесплатно.

Обвиняемые – в основном молодые мужчины, юноши, среди них много братьев, родители отправляли их подальше от опасности. Некоторые рассчитывали позже перевезти близких. Возможно, кто-то надеялся на то, что построит в Советском Союзе новую успешную жизнь, найдет работу, сумеет получить образование. В Польше у них практически не было к нему доступа, а в СССР по числу лиц с высшим образованием евреи лишь в 3,5 раза уступали русским (уступая им по общей численности почти в 33 раза), а украинцев опережали и в абсолютных цифрах.

Женщин – куда меньше. Фейга Фриерман, 1912 года рождения, портниха, «7 февраля 1940 года в районе Перемышля перешла границу с целью найти своего мужа, в ноябре 1939 года перешедшего во Львов». Хейля Вольраух, тоже портниха, 1918 года рождения,

«4 ноября 1940 года в 4 утра вброд перешла реку Сан с целью найти отца, который уже должен был быть во Львове».

С Меней Файфель, 1914 года рождения, вышло иначе. Она возвращалась домой в Ровенскую область из Кракова, где окончила медицинские курсы и работала медсестрой в еврейской больнице. 16 октября 1939 года явилась к германским военным властям в Кракове и получила пропуск на право перехода границы на территорию Западной Украины, где жили ее родители. «По прибытии в г. Дынув нас всех задержали немецкие солдаты и привели в комендатуру, где мы предъявили пропуски и были обысканы. Во время обыска одним германским офицером у нас были изъяты деньги 80–90 злотых, и у меня лично забрали ботинки. После обыска офицер отметил пропуски и направил нас к границе». Там за плату их перевез на лодке до середины реки местный крестьянин, дальше они пошли вброд. На советской стороне Меню задержали пограничники.

«Несчастные родители обращаются к вам по делу их единственной дочери, – 15 мая 1940 года писали из города Красноармейска Ровенской области ее отец и мать первому секретарю ЦК КП (б) У Никите Хрущеву. – Умоляем вас, сжальтесь над нами и помогите!» К этому моменту Меня Файфель пребывала в днепропетровской тюрьме, поэтому письмо их переправили в УНКВД Днепропетровской области. 8 июня ее отца Гирша Файфеля вызвали в Днепропетровск и допросили в качестве свидетеля. На том рассмотрение родительской жалобы завершилось, а дело их дочери пошло своим чередом.

Родственники за границей

В каждом из протоколов допросов обязательно присутствовали вопросы о близких родственниках задержанных. Тем приходилось отвечать, называя их место жительства и профессии – ремесленники, портные, торговцы. У всех подследственных особо интересовались родственниками за границей. Само собой, таковые имелись практически у всех обвиняемых в незаконном переходе границы. У кого где, в Америке ли, в Европе. Приходилось подробно рассказывать о тетках и дядях, братьях и сестрах, разъехавшихся по миру.

– Чем занимается брат отца, проживающий в Бельгии?

– Не знаю (из протокола допроса Давыда Тренгера).

В Берлине с 1924 года жил Хаскиль Кнеллер, 1901 года рождения. В октябре 1938 года он оказался в числе живших в Германии евреев с польскими паспортами (всего их было 20 тысяч), которых внезапно схватили и доставили поездами на германско-польскую границу. Депортируемым на прежнее место жительства было позволено взять с собой по одному чемодану на человека и 10 немецких марок, оставшееся имущество конфисковали. Спустя год Кнеллер перешел новую германско-советскую границу.

К слову, напомню, что среди тех, кого в 1938 году вместе с Кнеллером изгнали из Германии, была семья Зенделя и Рифки Гриншпан, польских евреев, живших в Ганновере с 1911 года. Их семнадцатилетний сын Гершель в это время пребывал в Париже у дяди. И когда он узнал, что случилось с его семьей, то в отчаянии купил револьвер и убил немецкого дипломата Эрнста фон Рата. Смерть фон Рата, в свою очередь, стала поводом для Хрустальной ночи – серии еврейских погромов по всей Германии в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.